Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 16/11/2026 08:26:19

DOI:10.17951/we.2017.3.2.81. | Wschód Europy • Восток Европы • East of Europe vol 3, 2 / 2017

Наталия Ротар
Черновицкий национальный університет имени Юрия Федьковича, Украина

Дискурс европейской идентичности Украины: измерение безопасности

Идентичность государства, будучи множественной, изменчивой, социально конструируемой, динамичной, связанной с историческим и политическим контекстами и стратегиями политических акторов структурой, в системе международных отношений преимущественно зависима от того, на каких принципах и совокупностью каких акторов она конструируется, в каком геополитическом пространстве утверждается и функционирует. Измерение безопасности европейской идентичности Украины приобретает особую актуальность в контексте агрессии со стороны Российской Федерации, которая на фоне сохранения постсоветских моделей организации институтов власти, инертных по своей сути и ориентированных на воспроизводство, а не на трансформацию, является угрозой не только безопасности, но и государственности Украины.

Предмет исследования – дискурс европейской идентичности Украины в измерении безопасности – побуждает определиться с концептуальными рамками двух категорий: идентичность и безопасность, которые являются ключевыми в исследовании дискурса европейской идентичности Украины с позиций формирования и поддержания в стабильном статусе европейского пространства безопасности. Европейская идентичность позиционируется и воспринимается научным сообществом прежде всего как социальный конструкт, прямо связанный и одновременно зависящий от институциональных характеристик и параметром интеграционных процессов. Поэтому исследовательский потенциал категории «идентичность» определяется нами в рамках конструктивистской парадигмы, в первую очередь в пределах методологических позиций Александра Вендта[1], который позиционируя государства в качестве основных субъектов ми-

[1] A. Wendt, *Collective Identity Formation and the International State*, "American Political Science Review", 1994, Vol. 88, № 2, p. 384–396; R. Jepperson, A. Wendt, P Katzenstein, *Norms, identity, and culture in national security*, [in:] *The Culture of National Security*, Ed. P. Katzenstein, New York, 1996, p. 33–75; A. Wendt, *Social theory of international politics* (Cambridge Studies in International

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 16/11/2026 08:26:19

ровой политики, понимает их как самоорганизующиеся образования, построенные на внутренних дискурсивных практиках отдельных лиц и социальных групп. Как конструкты, которые существуют в коллективном знании многих людей, государства не зависят от мыслей и идей какого-либо одного человека, а обладают «корпоративной» идентичностью суверенного актора, не привязанной к взаимодействию с другими государствами[2].

Важным методологическим принципом понимания идентичности государства является положение А. Вендта о том, что идентичность государства, основанная на внутриполитических процессах и опирающаяся на них, может изменять идентичность и интересы государств, независимо от взаимодействия в системе международных отношений[3]. Применимо к сущностным характеристикам европейской идентичности Украины, эта идея позволяет определить, каким образом соотношение внутренних и внешних импульсов, отображаемых в идентичностях граждан и элит, влияет на процесс её европейской интеграции.

Исходя из принципов конструктивистской парадигмы исследования идентичности как фактора безопасности, с целью определения направленности дискурса европейской идентичности Украины, нами были выделены три переменные: (1) структурный контекст как система общепринятых базовых европейских ценностей, которая провоцирует формирование общего для стран Европы понимания сути, задач и функций безопасности (чем прочнее согласие относительно угроз, тем проще и быстрее проходит формирование коллективной идентичности); (2) системные процессы, отображаемые в установлении динамической плотности взаимодействия и транснациональном сближении норм и ценностей, поддерживаемых большинством населения государств-членов Европейского Союза; (3) стратегические процедуры, как сотрудничество Украины и ЕС, в ходе которого изменяется общее для всех участников знание, влияющее на их идентичность. Стратегические процедуры, как основа процесса эволюции международного сотрудничества в форме интеграции, сталкиваются с двумя ограничениями: во-первых, процесс эволюции является постепенным и медленным, а во-вторых, он предполагает, что акторы не идентифицируют друг друга негативно. Однако, акторы системы международных отношений всегда имеют возможность «планирования Другого» и определения его ролей относительно себя, что провоцирует изменения в системе международных отношений и безопасности. Преднамеренная трансформация Другого определяется исчезновением консенсуса в отношении обяза-

Relations: 67), Cambridge 2003, p. 450; A. Wendt, *Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics*, "International Organization", 1992, Vol. 46, № 2 (Spring), p. 391–425; A. Wendt, *Collective Identity Formation and the International State*, "American Political Science Review", 1994, Vol. 88, № 2 (June), p. 384–396; A. Wendt, *Constructing International Politics*, "International Security", 1995, Vol. 20, № 1 (Summer), p. 71–81.

[2] A. Wendt, *Social theory of international politics* (Cambridge Studies in International Relations: 67), Cambridge, 2003, p. 207–209, 224–226.

[3] *Ibidem*, p. 235–236.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 16/11/2026 08:26:19

тельств и идентичности, что со временем начинает сопровождаться критическим анализом старых представлений о себе и других, о структурах взаимодействия, благодаря которым существовал консенсус и который постепенно перерастает в необходимость изменить идентичность и интересы Других, с целью поддержания стабильности системы взаимодействия[4].

Для определения сущности безопасности как контекста и цели европейской идентичности Украины мы использовали идеи критических исследований безопасности, которые расширяют проблемное поле исследования безопасности за счет (1) актуализации вопросов, которые могут быть публично представлены сквозь призму безопасности (в этот перечень входит и идентичность); (2) интеграции вопросов о нормативном выборе субъектов формирования пространства безопасности и ценностного контекста в его исследовании[5].

Методологические принципы изучения идентичности и безопасности, очерченные выше, позволяют в наиболее широком виде обозначить взаимосвязь этих двух явлений, которая проявляется в: сопоставимости ценностей, имеющих отношение к процессу принятия политических решений; способности субъектов пространства безопасности своевременно и адекватно реагировать на проблемы друг друга; прогнозируемости действий субъектов пространства безопасности относительно друг друга; условиях, которые вынуждают государства координировать свою политику; факторах, способствующих появлению взаимного доверия и коллективной идентичности. Именно взаимосвязь геополитической идентичности государства и пространства безопасности в его макроизмерении актуализирует значение категории «границы» в современных международных отношениях, и не только в их правовом значении. Р. Уокер, обосновывая символическое значение границ, указывает на то, что любая «субъектность производит свой внешний мир»: «Мы находимся здесь, вы – там, они – еще где-то. Мы можем впустить вас к себе, а они будут отосланы домой. Каждый должен знать свое место, не только в иерархиях статусов, классов и социальных порядков, но и в территориальном пространстве»[6]. Привлеченная нами методологическая позиция Р. Уокер позволит достаточно четко определить место и значение Украины для символических границ идентичности Европейского Союза и его государств-членов.

Европейская идентичность Украины: дискурс политической элиты

Для идентификации с ЕС особое значение приобретает проблема наделения политического пространства объединения такими смыслами, которые способны превратить европейскую идентичность национального государства в инстру-

[4] A. Wendt, *Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics*, "International Organization", 1992, Vol. 46, № 2 (Spring), p. 398–400.

[5] B. McSweeney, *Review: Identity and Security: Buzan and the Copenhagen School,* "Review of International Studies", 1996, Vol. 22, № 1, p. 81–93.

[6] R. B. J. Walker, *The Doubled Outsides of the Modern International*, "Ephemera", 2006, Vol. 6(1), p. 57.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 16/11/2026 08:26:19

ментальную характеристику политического процесса как на национальном, так и европейском уровнях политики. В современной политической науке постепенно утверждается научная позиция, согласно которой европейские идентичности государств-членов ЕС, сконструированные их национальными политическими элитами, могут быть объединены в четыре группы. Во-первых, это интерпретации европейской идентичности национального государства, основанные на прагматическом дискурсе ЕС как объединении, которое не имеет границ, поддерживает существование свободного рынка и способствует региональной безопасности. Эта модель европейской идентичности формирует менее стабильную идентичность, поскольку выбирая свободный рынок как основной маркер идентификации с Европой, он оставляет границы и государственные, и европейские, и границы европейской идентичности аморфными, открытыми и неопределенными. Вторая группа интерпретаций европейской идентичности национального государства опирается на нормативный дискурс ЕС как ограниченного ценностями объединения. Именно нормативный дискурс способен сформировать наиболее устойчивую смысловую модель европейской идентичности, поскольку ценностные маркеры идентификации устанавливают четкие границы идентичности. Третья группа интерпретаций европейской идентичности национального государства, сконцентрирована вокруг дискурса ЕС как свободного от границ, основанного на праве, постнационального союза, формирует нестабильную европейскую идентичность. Четвертая группа интерпретаций европейской идентичности национального государства основана на стратегическом дискурсе ЕС как глобального субъекта, участвующего в системе международных отношений на основе принципа многосторонности, гуманитарной помощи и обеспечения безопасности[7]. Этот вариант интерпретации европейской идентичности становится наиболее привлекательным для национальных политических элит, поскольку позиционирует ЕС как проект, а не процесс, способный реагировать на глобальные вызовы, такие как экономический кризис, изменение климата, бедность или терроризм, и наделен потенциалом формирования достаточной степени стабильных европейских идентичностей.

Определение модели европейской идентичности, наиболее соответствующей политической стратегии Украины как потенциального члена ЕС и отображающей базовые элементы национальной политической культуры, является приоритетной задачей её политической элиты. Говорить о начале формирования такой модели представляется возможным, начиная с событий Революции достоинства 2013–2014 годов, во время которой европейская интеграция была артикулирована элитой как политическая стратегия её деятельности и всего последующего развития Украины. Основными маркерами дискурса политической

[7] Н. Ю. Ротар, *Структура й динаміка європейської ідентичності в політичному просторі Європейського Союзу* "Науковий вісник Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки. Серія Міжнародні відносини", 2017, № 6 (355), с. 46–53.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 16/11/2026 08:26:19

элиты Украины, которые определяют смысловые характеристики модели европейской идентичности государства, в период 2014 – 2017 годов были Соглашение об ассоциации между Украиной и ЕС и безвизовый режим между Украиной и ЕС, которые отображают процесс европеизации: «постепенный процесс переориентации направления и формы политики до того уровня, когда политическая и экономическая динамика Европейского Сообщества/Европейского Союза становится частью организационной логики национальной политики и принятия политических решений»[8].

Подписание Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС происходило в два этапа: 21 марта 2014 года во время Внеочередного Саммита Украина – ЕС была подписана политическая часть Соглашения (Раздел 2. «Политический диалог и реформы, политическая ассоциация, сотрудничество и конвергенция в сфере внешней политики и политики безопасности) и Заключительный акт саммит; 27 июня 2014 года Президентом Украины П. Порошенко, руководством Европейского Союза и главами государств и правительств 28 государств-членов ЕС была подписана экономическая часть Соглашения (Раздел III «Юстиция, свобода и безопасность», Раздел IV «Торговля и вопросы, связанные с торговлей», Раздел V «Экономическое и отраслевое сотрудничество», Раздел VI «Финансовое сотрудничество и положения по борьбе с мошенничеством»), которые вместе с остальным текстом Соглашения составили единый документ[9].

Соглашение об ассоциации, которое после длительного процесса ратификации, вступило в силу в полном объеме 1 сентября 2017 года, по своему тематическому охвату определяло качественно новый формат отношений между Украиной и ЕС на принципах политической ассоциации и экономической интеграции и являлось ориентиром системных социально-экономических реформ в Украине. Считаем необходимым подчеркнуть, что подписанное Соглашение предполагает формирование модели европейской идентичности Украины в определенных направлениях, которые ускоряют и, со временем, обеспечивают разрыв европейской Украины с Украиной советской: *ценностное направление* предполагает постепенное сближение Украины с ЕС и все большее её участие в программах на уровне политической сферы ЕС; *правовое направление* сориентировано на усиление верховенства права, уважения прав человека и основных свобод; *направление безопасности* конкретизировано как поддержание мира и стабильности в региональном и международном масштабах на принципах ООН и ОБСЕ; *экономическое направление* базируется на создании углубленной и всеобъемлю-

[8] R. Ladrech, *Europeanization of Domestic Politics and Institutions: The Case of France,* "Journal of Common Market Studies", 1994, Vol. 32, № 1, vol. 32, p. 7, 69–88, 69.

[9] Верховна Рада України, http://zakon2.rada.gov.ua, *Угода про Асоціацію між Україною, з однієї сторони, та Європейським Союзом, Європейським співтовариством з атомної енергії і їхніми державами-членами, з іншої сторони*, доступ: 8.06.2017.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 16/11/2026 08:26:19

щей зоны свободной торговли и завершении превращения Украины в государство с функционирующей рыночной экономикой[10].

План мероприятий по имплементации Соглашения на 2014-2017 годы[11] предусматривал около 490 кратко- и среднесрочных задач во всех сферах сотрудничества между Украиной и ЕС, определенных Соглашением. Однако, в соответствии с «Отчетом о выполнении Соглашения об ассоциации между Украиной и Европейским Союзом в 2016 году»[12], речь идет в основном о принятых или предлагаемых инициативах. Таким образом политическая элита сообщает о состоянии гармонизации украинского законодательства с законодательством ЕС и реализации части acquis, необходимой для реализации Соглашения, но умалчивает о сложном состоянии процесса его реализации.

Вопрос безвизового режима имел для Украины цивилизационное измерение и является отображением усиления её европейской идентичности. 18 декабря 2015 года Еврокомиссия одобрила отчет о выполнении Украиной Плана действий по визовой либерализации и в апреле 2016 года рекомендовала Совету ЕС предоставить стране безвизовый режим. Однако дискуссия внутри ЕС относительно того, отменять ли визы для граждан Украины, не прекращалась достаточно длительное время и была связана со страхами относительно негативных последствий, к которым может привести введение безвизового режима с Украиной. Несмотря на доминирование в политической элите идеи о том, что ЕС должен пойти на определенный компромисс в вопросе визовой либерализации, поскольку украинцы доказали готовность защищать европейские ценности даже ценой личной безопасности и жизни, среди политических сил, представленных в украинском парламенте, наиболее жесткую линию против принятия соответствующего законодательства публично проводили как крайние левые (законодательно запрещенная сегодня Коммунистическая партия Украины), так и крайне правые – партия Всеукраинское объединение «Свобода», хотя большинство электората этой партии поддерживали курс Украины на интеграцию в ЕС, а её лидер О. Тягнибок был одним из трех ключевых политических фигур Евромайдана[13]. Тем не менее, 26 апреля 2017 года послы стран-членов при Совете ЕС утвердили законодательный регламент об отмене визового режима

---

[10] Верховна Рада України, http://zakon2.rada.gov.ua, *Угода про Асоціацію між Україною, з однієї сторони, та Європейським Союзом, Європейським співтовариством з атомної енергії і їхніми державами-членами, з іншої сторони*, доступ; 8.06.2017.

[11] Верховна Рада України, http://zakon3.rada.gov.ua, Розпорядження Кабінету Міністрів України *Про імплементацію Угоди про асоціацію між Україною, з однієї сторони, та Європейським Союзом, Європейським Співтовариством з атомної енергії і їхніми державами-членами, з іншої сторони* від 17 вересня 2014 року № 847-р", доступ: 12.06.2017.

[12] Кабінет Міністрів України, http://www.kmu.gov.ua, *Звіт про виконання Угоди про асоціацію між Україною та Європейським Союзом в 2016 році*, доступ: 4.05.2017.

[13] *Заклик до ЄС – час вступати в ГРУ. Очікування України від Європейського Союзу*, Київ, 2014, с. 12.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 16/11/2026 08:26:19

для Украины, 17 мая Соглашение о безвизовом режиме Украины с ЕС было подписано и 11 июня официально вступило в силу. Оценивая значение этого политического шага ЕС, Президент Украины П. Порошенко подчеркнул, что для визовой либерализации Украина воплотили в жизнь 144 реформы и назвал день официального подписания решения о безвизовом режиме историческим днем: «это абсолютно исторический день для моей страны, для моей 45-миллионной нации»[14], поскольку Украина возвращается в европейскую семью, окончательно прощаясь с советской и российской империями.

Таким образом, дискурс европейской идентичности, характерный для политической элиты Украины в период 2014–2017 годов указывает на то, что он, во-первых, был ориентирован на формирование высокого уровня динамической плотности взаимодействия Украины и Европейского Союза и имел системный характер, во-вторых, отображал шансы и тенденции институционального обновления политической власти. Однако, в этот период украинская элита сократила свои усилия, сориентированные на транснациональное сближение норм и ценностей граждан Украины и граждан стран-членов ЕС, что нашло свое отображение в европейских идентичностях украинцев.

Европейская идентичность Украины: дискурсивные практики граждан Украины

Для определения сущности основных показателей европейской идентичности граждан Украины необходимо определить, насколько и почему они (не)ощущают себя европейцами, как относятся к идее европейской интеграции Украины, как оценивают уровень своей (не)информированности относительно институтов и процедур ЕС. Наиболее важным показателем, который отображает процесс идентификации граждан Украины с европейской идентификационной матрицей, является показатель признания себя европейцем. В мае 2013 года только 34% украинцев считали себя европейцами, тогда как 55% не идентифицировали себя с ними. По сравнению с 2008 годом, этот показатель вырос на 9%, но более важным является уменьшение доля тех, кто не считал себя европейцем на 15% (в 2008 году таких было 70%, в 2013 году – 55%)[15]. Именно в этот период сформировался набор маркеров, при помощи которых устанавливается идентификационная связь украинцев с европейцами. По мнению граждан Украины, для того, чтобы ощущать себя европейцем, необходимы: определенный уровень материального благосостояния (58,8%); чувство защищенности законом (40,5%); уважение ценностей демократии и прав человека (32,4%); возможность ездить в европейские страны без виз (24,5%); чувство свободы (15,2%); возможность избирать себе власть на

[14] 24 канал, https://24tv.ua, *Порошенко про безвіз: "Україна прощається з радянською та російською імперіями*, доступ: 17.05.2017.

[15] Фонд «Демократичні ініціативи імені Ілька Кучеріва», http://dif.org.ua, *М. Золкіна, Українське суспільство: чи відчуваємо ми себе європейцями?*, доступ: 2.03.2017.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 16/11/2026 08:26:19

свободных демократических выборах (14,6%)[16]. Такой набор маркеров идентификации указывает на то, что граждане Украины имеют достаточно полное представление о том, что такое европейская идентификационная матрица и готовы к её инструментальному использованию. События «Революции достоинства» увеличили количество украинцев, которые идентифицировали себя как европейцев до 45,3%, однако в мае 2014 года этот показатель опускается фактически до уровня прежних значений и составляет 37,6%[17], но в ноябре 2015 года впервые количество украинцев, которые идентифицировали себя с европейцами (47%) начинает доминировать над количеством тех, кто таковыми себя не считает (42%)[18].

Отношение граждан Украины к вступлению Украины в ЕС, как отображение динамики формирования европейской идентичности украинцев, стало особо заметным после Оранжевой революции 2004 года и уже начиная с 2006 года позитивные оценки евроинтеграционного процесса начинает преобладает над негативными[19]. По данным национальных опросов общественного мнения в Украине относительно европейской интеграции, проведенных в 2006–2011 годах Фондом «Демократические инициативы имени Илька Кучерива» и Украинской социологической службой, в этот период количество граждан, которые поддерживали идею европейской интеграции Украины увеличилось с 43,7% до 46,0%[20]. Однако, эти изменения не были настолько радикальны, чтобы говорить о преобладании европейских ориентаций, поскольку поддержку евроинтеграции Украины демонстрировало лишь относительное большинство украинских граждан.

Катализатором евроинтеграционных устремлений граждан Украины стала Революция достоинства, начало которой было положено отказом В. Януковича от подписания Соглашения об ассоциации с ЕС. Однако именно это требование оставалось одним из главных требований всего периода Майдана, даже на третий месяц протестов подписать Соглашение требовали 49% непосредственных участников событий. Это заметно меньше, чем количество требовавших отправить в отставку президента В. Януковича (85%) или освободить арестованных участников протестов (82%), однако заметно больше, чем настаивающих на освобождении Ю. Тимошенко (30%)[21].

---

[16] Фонд «Демократичні ініціативи імені Ілька Кучеріва», http://dif.org.ua, *М. Золкіна, Українське суспільство: чи відчуваємо ми себе європейцями?*, доступ: 2.03.2017.

[17] Фонд «Демократичні ініціативи імені Ілька Кучеріва», http://dif.org.ua, *М. Золкіна, Європейська інтеграція як потенціал для консолідації українського суспільства*, доступ: 24.02.2017.

[18] Фонд «Демократичні ініціативи імені Ілька Кучеріва», http://dif.org.ua, *Як українці розуміють євроінтеграцію: очікування та настрої суспільства (25 лютого 2016)*, доступ: 4.09.2016.

[19] Фонд «Демократичні ініціативи імені Ілька Кучеріва», http://dif.org.ua, *Золкіна М. Ставлення населення України до європейської та євроатлантичної інтеграції України*, доступ: 16.11.2016.

[20] Фонд Демократичні ініціативи імені Ілька Кучеріва, http://dif.org.ua, *Ukrainians opt for EU Membership, in Particular the Youth*, доступ: 4.10.2017.

[21] *Заклик до ЄС – час вступати в ГРУ. Очікування України від Європейського Союзу*, Київ, 2014, с. 6.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 16/11/2026 08:26:19

Осенью 2016 года 45,8% граждан Украины её главным внешнеполитическим приоритетом определяли отношения со странами ЕС. Чаще всего это было характерным для жителей Западного и Центрального регионов (соответственно 75,5% и 52,8%), в Южном, Восточном регионах и на Донбассе приоритет сотрудничеству с ЕС отдавали соответственно 27,0%, 23,7% и 30,3% респондентов. 49,7% граждан считали, что Украине нужно вступать в Европейский Союз, 35,3% отрицали такую необходимость. Если на Западе и в Центре Украины большинство респондентов поддерживали вступление в ЕС (соответственно 77,4% и 55,8%), то на Востоке, Донбассе и Юге преобладали и доминировали те, кто выступали против вступления в ЕС (соответственно 57,6%, 52,8% и 44,0%). Чем моложе были респонденты, тем чаще они поддерживали вступление Украины в ЕС (среди тех, кому от 18 до 29 лет – 56%, среди тех, кому 60 и более лет – 41,1%[22]). Для 19,2% респондентов введение безвизового режима для Украины оценивалось как очень важное, 25,7% – скорее важно, 22,3% – мало важное 26,7% – совсем не важное. Если в Западном и Центральном регионах большинство опрошенных считали введение безвизового режима со странами ЕС очень или скорее важным, то на Юге, Востоке и Донбассе – мало или совсем не важным. Заинтересованность во введении безвизового режима тем выше, чем моложе респонденты. Среди тех, кому от 18 до 29 лет, 61,2% ответили, что для них это очень или скорее важно, тогда как среди тех, кому 60 и более лет – только 17,5%[23].

В середине 2017 года впервые фиксируется так называемый синдром усталости от ЕС. Результаты опроса, проведенного Институтом мировой политики в рамках «Программы содействия общественной активности» свидетельствуют о том, что 39% украинцев убеждены в необратимости европейской интеграции Украины, 22% респондентов считают, что Украина может отказаться от европейской интеграции в любой момент, а 28% считают, что в Украине не происходят процессы европейской интеграции. Наиболее убеждены в необратимости европейской интеграции Украины люди с высшим образованием (46%). Ярким проявлением «синдрома усталости» можно считать тот факт, что 25% респондентов поддерживают идею создания нового регионального союза с участием Украины (без участия России), а 22,5% считают, что Украине не нужно членство в любом объединении. Одновременно, большинство граждан Украины (52%) не верят в то, что нейтральный статус способен защитить страну от агрессии России. Больше всего скептиков относительно нейтрального статуса проживает в Восточном регионе Украины (44%), как, впрочем, и тех, кто не определился по этому вопросу (28%)[24].

---

[22] Центр Разумкова, http://razumkov.org.ua, *Зовнішньополітичні орієнтації громадян України. Результати соціологічного дослідження*, доступ: 21.02.2017.

[23] *Ibidem.*

[24] Інститут світової політики, http://iwp.org.ua, *Що думають українці про євроінтеграцію? (29 червня 2017)*, доступ: 2.10.2017.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 16/11/2026 08:26:19

После Революции достоинства у 58% респондентов отношение к ЕС не изменилось, у 14% – улучшилось, у 24% – ухудшилось. Ухудшение или улучшение отношения к ЕС существенно отличается в зависимости от пола и образования респондентов: женщины оказались более евроскептически настроенными – улучшение отношения отметили 10% респонденток (против 18% респондентов-мужчин), а ухудшение – 2% (среди мужчин – только 20%). Также среди респондентов со средним и неполным высшим образованием уровень евроскептицизма почти вдвое выше (31% и 28% соответственно) по сравнению с более образованными респондентами (16%). Большинство респондентов, у которых отношение к ЕС изменилось к худшему, в ответ на открытый вопрос объясняют это ухудшением уровня жизни и состоянием экономики в стране (63%), потерей Украиной своих территорий и продолжением военных действий (7%), недостаточной поддержкой со стороны ЕС в противостоянии с Россией (менее 1%)[25]. В данном контексте важно обратиться к ассоциативному ряду, которым оперируют украинцы в процессе идентификации с ЕС. Половина опрошенных вообще не смогла назвать какую-либо ассоциацию, а самые популярные ответы не набрали даже 10% уровня поддержки респондентов. Среди наиболее часто упоминаемых ассоциаций встречались: улучшение уровня жизни (9%), цивилизованность, культурные ценности, европейские стандарты (9%), страны Европы (8%), 3% респондентов ассоциируют ЕС с ухудшением уровня жизни.

Для (не)идентификации украинцев как европейцев важной является информация об имплементации Соглашения об ассоциации. Такую информацию хотели бы знать 45% украинцев, тогда как 55% довольны уровнем своей осведомленности в этом вопросе. Примечательно, что больше всего состоянием выполнения Украиной Соглашения об ассоциации интересуются пожилые люди (48%), в региональном контексте – жители Западного региона (54%).

Таким образом, европейская идентичность, отображенная на уровне граждан Украины, свидетельствует о зависимости, которая существует между характером и интенсивностью евроинтеграционного дискурса политической элиты и внешнеполитическими ориентациями украинцев. Проанализированная выше динамика распространения евроинтеграционных идентичностей в украинском обществе позволяет выделить четыре группы граждан Украины, для которых характерны те или другие особенности восприятия евроинтеграционного дискурса политической элиты: (1) граждане с поляризованной идентичностью демонстрируют исключительную ориентацию на евроинтеграцию Украины как единственную приемлемую для них и для Украины геополитическую идею и непримиримое дистанцирование от всех Других; (2) для граждан с лояльной идентичностью характерно умеренное отрицание отдельных положений официального евроинтеграционного дискурса, которые связаны с возможными проблемами в социально-экономической сфере; (3) граждане с отрицательной иден-

[25] *Ibidem.*

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 16/11/2026 08:26:19

тичностью характеризуются недостаточно устойчивыми евроинтеграционными ориентациями и резким отрицанием возможности поддержки политической силы только на основании её проевропейской позиции; (4) граждане с апатичной идентичностью наделены отсутствием четко оформленных и осознанных установок на поддержку или отрицание любого вектора внешней политики и геополитического выбора Украины.

Украина как Другой в европейском дискурсе идентичности

Начало официального наделения смыслами любого Другого в европейском дискурсе идентичности и одним из первых шагов в процессе конструирования европейской идентичности как политической было подписание «Декларации о европейской идентичности» (1973), в которой она позиционировалась как (1) общие наследие, интересы, особые обязательства и степень единства европейского сообщества; (2) самопозиционирование в системе мировой политики; (3) отражение динамичности процессов объединения в Европе: «Европейская идентичность будет развиваться в зависимости от динамического создания Единой Европы. В своих внешних связях члены Девятки предлагают постепенно формировать определения своей идентичности относительно других стран или групп стран. Они считают, что при этом они укрепят свое единство и внесут свой вклад в создание действительно европейской внешней политики»[26]. На уровне национальных политик европейская идентичность очерчивалась как возможность «идентифицировать себя с согласованными и лучше контролируемыми стремлениями к общему благу, с переориентацией экономических ресурсов на коллективные интересы, уменьшением регионального и социального неравенства, децентрализацией и участием в принятии решений», что приведет к формированию «нового типа общества, более демократической Европы»[27]. Первоначально идея европейской идентичности позиционировалась как идея политического отмежевания ЕС от других политических актеров в системе международных отношений. С формированием и развитием системы политических институтов ЕС вопрос европейской политической идентичности становится предметом внутриполитического дискурса ЕС и его членов.

Очерченный контекст интерпретации европейской идентичности, определяет тот каркас её смысловых рамок, который провоцирует позиционирование Украины как девиантного Другого. Именно такие оценки характерны для официального, экспертного и общественного дискурсов. Хотя в Украине существенную информационную поддержку получила Резолюция Европарламента от 27 февраля

[26] The University of Luxembourg's, http://www.cvce.eu, *Declaration on European Identity (Copenhagen, 14 December 1973)*, доступ: 18.10.2017.

[27] European Commission, https://ec.europa.eu, *Report by Mr Leo Tindemans, Prime Minister of Belgium, to the European Council [Bulletin of the European Communities. – Supplement 1/76]*, доступ: 14.11.2017.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 16/11/2026 08:26:19

2014 года, один из пунктов которой гласит: «Европарламент отмечает, что статья 49 Договора Евросоюза относится ко всем европейским странам, включая Украину, которая может подать заявку на членство в ЕС»[28]. В информационном пространстве Украины это было представлено как то, что впервые в истории Европарламент дал Украине перспективу членства, хотя почти сразу после Оранжевой революции, в начале 2005 года, Европарламент почти единогласно уже одобрял резолюцию, в которой четко были определены подобные перспективы членства Украины в ЕС[29].

На официальном уровне ЕС было признано, что вступление в силу Соглашения об ассоциации окончательно изменило многовекторность внешней политики Украины, «приближая Киев к ЕС и другим западным институтам, ближе, чем когда-либо прежде»[30]. В контексте российских вызовов суверенитету Украины это указывает на окончание эпохи геополитического выбора Украины, и, соответственно, её европейскую идентичность как результат этого выбора. Однако, именно Революция достоинства, аннексия Крыма и российская оккупация части Донецкой и Луганской областей Украины сделали её членство в ЕС и НАТО более отдаленным, чем когда-либо, и успех Соглашения об ассоциации в конечном итоге будет определяться социальным и экономическим прогрессом страны.

Президент Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер, подчеркивая готовность Европы играть определенную результативную роль на международной арене («Я хотел бы, чтобы мы сыграли свою роль в наибольших конфликтах, которые существуют, зная, что на некоторые из них наше влияние мало и чрезвычайно мало. Но мы должны объединиться с другими, чтобы сделать мир более значимым состоянием, чем в настоящее время»[31]), достаточно четко отрицает европейскую идентичность Украины. Констатируя, что в настоящее время ведется 60 войн по всему миру, Жан-Клод Юнкер артикулирует внимание аудитории на том, что «ни одной из 60 нет в Европе, если я игнорирую Украину, которая не является «европейской» в смысле Европейского Союза»[32]. Согласно официально заявленной позиции европейского политика геополитическая идентичность Украины сегодня пребывает в маргинальном виде: «Я видел, что мой друг Порошенко несколько дней назад говорил здесь: Украина – это Европейский Союз, и это НАТО. На дан-

[28] European Parliament, http://ukraine-eu.mfa.gov.ua, *European Parliament resolution on the situation in Ukraine of 27 February 2014*, доступ: 8.06.2017.

[29] European Parliament, http://www.europarl.europa.eu, *European Parliament resolution on the results of the Ukraine elections, Strasbourg, 13 January, 2005*, доступ: 8.06.2017.

[30] European Parliament, http://www.europarl.europa.eu, *The state of implementation of the associations and free trade agreements with Ukraine, Georgia and Moldova with a particular focus on Ukraine and systemic analysis of key sectors (November 2017-PE 603836)*, доступ: 18.10.2017.

[31] Commission européenne, http://europa.eu, *Discours du Président Juncker à la conférence des ambassadeurs de l'UE Bruxelles, le 29 août 2017*, доступ: 18.10.2017.

[32] *Ibidem.*

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 16/11/2026 08:26:19

ный момент это ни то, ни другое»[33]. Выход Украины из маргинального идентификационного статуса, официальный европейский дискурс связывает с улучшением отношений между ЕС и Россией («не существовало европейской безопасности на протяжении многих веков без России. Европейский Союз составляет 5,5 миллионов квадратных километров, Россия – 17,5. Еще есть вопросы?»). Их улучшение не предполагает отказа от европейских ценностей и принципов, признания аннексии Крыма «и всего остального, что мы ассоциируем в связи с Россией»[34], наоборот все заинтересованные акторы международных отношений, и Украина в том числе, должны искать решение этого вопроса в парадигме европейской идентичности.

Определение сущности Украины, как Другого для ЕС, важно рассмотреть и в контексте формирования идеологии процесса его реформирования. «Белая книга о будущем ЕС», опубликованная Европейской комиссией накануне Римского саммита 25 марта 2017 года, определяет пять возможных сценариев дальнейшей эволюции Европейского Союза к 2025 году: первый сценарий предлагает оставить все, как есть, продолжая движение в уже заданном направлении, фокусируясь на создании плана проведения положительных реформ; второй сценарий ориентирует на постепенное сужение деятельности ЕС в пределах общего рынка и фактический отказ от идей безопасности, политической и ценностной составляющих ЕС; согласно третьему сценарию, эволюция ЕС предполагает интеграцию по отдельным направлениям в виде «коалиций желающих», что может усложнить процедуры принятия решений внутри ЕС и снизить эффективность его деятельности, но вопросы отношений с третьими странами, к которым относится и Украина, будут решаться на уровне структур ЕС от имени всех стран-членов; четвертый сценарий предполагает привлечение стран-членов к ускоренной интеграции, но в ограниченном, меньшем количестве сфер, преимущественно инноваций, торговли, обороны и безопасности; пятый сценарий предполагает возможность усиления интеграционного движения для всех стран-членов («федерализация» ЕС). Обсуждения и выбор вариантов должны завершиться к июню 2019 года, когда будут проходить очередные выборы в Европейский парламент и будут закончены переговоры о выходе Великобритании из ЕС. Таким образом, процесс дальнейшего расширения ЕС в предложениях Европейской Комиссии фактически снят с повестки дня до 2025 года, а неопределенность будущего формата ЕС четко указывает на то, что Украина останется еще на достаточно долгое время за пределами символических границ европейской идентичности. В рамках данного документа Украина как Другой наделяется смыслами партнера, который способствует утверждению роли «Европы как позитивной глобальной силы»[35], а сформированная перспектива вступления в ЕС,

[33] *Ibidem.*

[34] *Ibidem.*

[35] European Commission, https://ec.europa.eu, *White Paper on the Future of Europe. Reflections and scenarios for the EU27 by 2025*, доступ: 14.11.2017.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 16/11/2026 08:26:19

которая не имеет четких временных рамок и ориентиров относительно её реализации, как «мощный инструмент для обеспечения стабильности и безопасности вдоль наших [ЕС – *прим. автора*] границ»[36].

Идентификационный разрыв между Украиной и ЕС конкретизируется в оценках европейских экспертов относительно необходимости дальнейшего сближения. Наиболее распространенными стереотипами и страхами относительно Украины являются следующие: «Существует угроза, что трудовой рынок Евросоюза заполонят украинские рабочие»; «Безвизовый режим с Украиной несет угрозу, учитывая миграционный кризис в Европе и войну в Украине»; «Мигранты из Украины несут угрозу увеличения преступности в государствах-членах ЕС»; «Безвизовый режим между Украиной и ЕС разозлит Россию»; «Украина – коррумпированная страна, поэтому План действий по визовой либерализации она не выполнила полностью»; «Отмену виз для Украины нужно привязать к внедрению нового жесткого механизма, который приостанавливает действие безвизового режима»; «Либерализация визового режима навредит Украине, потому что исчезнет главный рычаг влияния на правительство для проведения реформ»; «Украина не контролирует части своей территории, а следовательно, существует риск контрабанды и торговли людьми через территорию Украины в ЕС»; «Слишком мало украинцев получило биометрические паспорта, поэтому нельзя сказать, что безвизовый режим важен для большинства украинцев»; «Украина осуществляла реформы не для отмены виз, а сама для себя. Досадно, если украинцы не понимают важности изменений и находятся в такой зависимости от внешнего воздействия»[37].

Конкретизируя смысловое наполнение идентификационного образа Украины, обратимся к двум примерам, в которых отражается его трансформация. Первый из них связанный с позицией, наиболее полно отображенной в идеях французского профессора парижского Университета Пантеон-Ассас Филиппа де Лара, который описывает восприятие европейцами Украины с позиций феномена «ленты Мебиуса», когда в восприятии и идентификации тех или иных процессов можно переходить с одной стороны на другую, от экзальтации к предупреждению, и наоборот. Ученый утверждает, что у французов нет стабильного представление о событиях в Украине, с одной стороны, она идентифицируется ими как европейская нация, и изменения, которые происходят, соответствуют духу Европы, с другой стороны, политические процессы в Украине соотноси-

[36] *Ibidem.*

[37] Інститут світової політики, https://www.eurointegration.com.ua, *Десять страхів європейців. Чому Євросоюзу не варто відтерміновувати безвізовий режим із Україною. В експертному опитуванні взяли участь: Кармен Клаудін (Іспанія), Стівен Блоксман (Бельгія), Річард Янгс (Бельгія), Ольга Бурлюк (Бельгія), Георгі Готев (Бельгія), Петр Колар (Чехія), Мартін Малек (Австрія), Міхаель Фройнд (Австрія), Сьюзен Стюарт (Німеччина), Штеффен Добберт (Німеччина), Андрей Матісак (Словаччина), Марко ді Ліддо (Італія), Стефанія Скіпані (Італія), Йос Бунстра (Нідерланди)*, доступ: 8.06.2017.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 16/11/2026 08:26:19

мы с худшими образцами националистических движений. Сложности в формировании стабильных маркеров идентичности относительно Украины усугубляются и глубоким кризисом идентичности в самом ЕС, который проявляется в забвении и непонимании смыслов феноменов границ и наций. Вторая позиция в восприятии Украины, представленная идеями чешского публициста и дипломата М. Жантовского, аккумулирует идеи, характерные для экспертной среды стран Восточной Европы: «В отличие от наших западных коллег, мы всегда были ближе к Украине, мы всегда знали, что Украина существует, и она не была для нас какой-то неизвестной страной. И то, что мы знали об Украине, мы знали через культуру, через литературу»[38]. Таким образом, в ЕС не существует стабильного набора маркеров, который может использоваться гражданами и национальными элитами для определения политических и геополитических характеристик Украины как Другого, что порождает определенную осторожность и способствует увеличению дистанции между Я (Европа) и Другой (Украина).

В идентификации Украины гражданами стран-членов ЕС и наделении её определенными характеристиками Другого важно различать два периода. Первый период, который начался со времени установления независимости Украины в 1991 году и длился до событий Революции достоинства 2013 года, можно назвать периодом европейского открытия Украины, для которого характерным был процесс наделения смыслами Украины как Другого. Особенностями второго периода, который начался с событиями Революции достоинства и длится до сегодняшнего дня, является ревизия маркеров идентификации Украины и определение дистанции между Я (в первую очередь, ЕС) и Другой (Украина).

Доминирующие смыслы Украины как Другого, которые сформировались в период 1991–2013 годов, достаточно точно отражены в результатах опроса, проведенного в рамках комплексной стратегии позиционирования Украины за границей в Германии, Испании, Франции, Великобритании и Италии в 2010 году. В соответствии с ними почти 64 % респондентов никогда не интересовались Украиной или помнят лишь отдельные факты из новостей, 22% имеют поверхностные знания об Украине и только 14% достаточно хорошо, поскольку бывали или регулярно бывают в стране, интересуются новостями. Из пятерки опрошенных стран наиболее низкий уровень осведомленности относительно Украины был зафиксирован во Франции, где 77% ничего не слышали об Украине, самый высокий – в Италии, где подобный показатель был зафиксирован на уровне 3%. (Это связано, в первую очередь с тем, что именно Италия стала одной из тех европейских стран, куда были сориентированы основные миграционные потоки из Украины). В период 1991–2013 годов Украина для европейцев была, прежде всего, аграрной (66%) и религиозной страной (55%). Только половина опрошенных считали, что Украина – это европейская страна, при этом 20% затруднились

[38] Громадський простір, https://www.prostir.ua, *Образ України за кордоном як "стрічка Мебіуса" [27.04.2016]*, доступ: 16.09.2016.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 16/11/2026 08:26:19

в определении географического статуса Украины, а 5 % указали на то, что она «определенно не европейское» государство. Идентифицируя Украину в системе маркеров европейской идентичности, опрошенные граждане стран-членов ЕС хотели видеть Украину демократической (25%), открытой (15%) и экономически стабильной (14%) страной, безопасной и доступной для туристов (10%); членом ЕС (9%); политически стабильной (5%); современной и модернизированной (4%); гостеприимной (3%); традиционной и самобытной (3%), космополитической (2%) и независимой от влияния России (2%)[39].

Начиная с Революции достоинства на уровне граждан стран-членов ЕС идентификационный образ Украины как Другого определяется через соотношение сторонников аргументов в пользу присоединения Украины к ЕС в будущем и сторонников аргументов против возможного членства Украины в ЕС. По результатам опросов, аргументы в пользу присоединения Украины к ЕС поддерживаются меньшим числом респондентов: только 31% считают, что Украина должна быть членом ЕС, поскольку она является частью Европы (доминирует в Польше и Германии); 30% соглашаются, что членство Украины в ЕС является способом защиты Украины от дальнейших посягательств России (доминирует в Польше и Испании); 30% придерживаются позиции, что Украина должна иметь такие же права на членство в ЕС, как и другие государства (доминирует в Испании, Польше и Италии). Важно отметить, что достаточно высокий процент опрошенных отмечает выгоды от возможного членства Украины и для ЕС: 15% респондентов считают, что это расширит стабильное европейское пространство, 12% – будет способствовать экономическому росту ЕС[40].

Аргументы против присоединения Украины к ЕС сконцентрированы вокруг структурного контекста идентичности как отображения общепринятых европейских ценностей. Препятствием для членства Украины в ЕС, по мнению граждан государств-членов ЕС, являются коррупция (35%), олигархия (26%) и бедность (22%)[41]. Таким образом, необходимость преодоления коррупции является главным условием предоставления Украине членства, наиболее высокого уровня этот показатель достиг в Германии (44%) и Польше (45%), где необходимость преодоления олигархии считают такой же проблемой, как и преодоление коррупции (45%). 20% респондентов считают, что Украина должна доказать свою преданность европейским ценностям, что указывает на необходимость не только позиционировать приверженность европейским ценностям, но и соотносить их с референтной моделью. Доминирование аргументов против европейской интеграции Украины усиливается и негативным ассоциативным рядом, который выстраивается в сознании граждан государств-членов ЕС вокруг образа Украины. Три наиболее распространенных ассоциации – война, Россия, бедность –

[39] Бренд «Україна», https://brandukraine.org, "Дослідження", доступ: 8.05.2017.
[40] *Що думають європейці про Україну*, Київ 2015, с. 9.
[41] *Ibidem*, с. 10.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 16/11/2026 08:26:19

способствуют воспроизводству идентификационных маркеров относительно Украины, которые только усугубляют её восприятие как девиантного Другого относительно собственной модели европейских ценностей. Отметим, что украинцы хотели бы, чтобы Украина ассоциировалась у европейцев с богатой страной (72%); европейскими ценностями (42%); туризмом (37,4%); Европой (29,8%); Революцией достоинства (22,0%); региональным лидерством (21,5%)[42].

Выводы

Интенсивность и распространение дискурса европейской идентичности в политическом пространстве Украины находится в большей зависимости от внешних стимулов со стороны ЕС, нежели от внутренних импульсов, задаваемых украинскому обществу национальной политической элитой. Период 2014–2017 годов стал наиболее значимым для укрепления системы общепринятых европейских ценностей в Украине, что привело к формированию общего со странами Европы понимания сути, задач и функций безопасности. В первую очередь это связано с формированием согласия относительно угроз, безопасности, которые исходят от Российской Федерации, что привело к установлению взаимодействия между ЕС и Украиной на уровне высокой плотности и сближению норм и ценностей, поддерживаемых большинством населения государств-членов ЕС. Однако, предложенные ЕС стратегические процедуры сотрудничества не достаточно полно имплементированы во внутриполитические процессы и систему государственного управления Украины, что влияет на сознательное увеличение дистанции между Я (ЕС) и Другой (Украина) во время «планирования Другого».

Аннотация: Автор анализирует формирование и структуру дискурса европейской идентичности Украины в измерении безопасности. Использование методологических принципов конструктивизма и критических исследований безопасности позволили обосновать, что интенсивность и распространение дискурса европейской идентичности в политическом пространстве Украины находится в большей зависимости от внешних стимулов со стороны ЕС, нежели от внутренних импульсов, задаваемых украинскому обществу национальной политической элитой. Период 2014–2017 годов стал наиболее значимым для укрепления системы общепринятых европейских ценностей в Украине, что привело к формированию общего со странами Европы понимания сути, задач и функций безопасности. Дискурс европейской идентичности, характерный для политической элиты Украины, был ориентирован на формирование высокого уровня динамической плотности взаимодействия Украины и Европейского Союза и имел системный характер; представлял шансы и тенденции институционального обновления политической

[42] Інститут світової політики, https://www.dropbox.com, *Що думають українці про Україну?*, доступ: 8.06.2017.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 16/11/2026 08:26:19

власти. Однако, в этот период украинская элита сократила свои усилия, сориентированные на транснациональное сближение норм и ценностей граждан Украины и граждан стран-членов ЕС, что нашло свое отображение в европейских идентичностях украинцев. Предложенные ЕС стратегические процедуры сотрудничества не достаточно полно имплементированы во внутриполитические процессы и систему государственного управления Украины, что влияет на сознательное увеличение дистанции между Я (ЕС) и Другой (Украина) во время «планирования Другого».

Ключевые слова: европейская идентичность, дискурс идентичности, Украина, Европейский Союз, безопасность

Wymiar bezpieczeństwa w dyskursie o europejskiej tożsamości Ukrainy

Streszczenie: Autorka przeanalizowała kształtowanie i strukturę dyskursu tożsamości europejskiej Ukrainy w wymiarze bezpieczeństwa. Korzystanie z metodologicznych zasad konstruktywizmu i badań nad bezpieczeństwem mogą pomóc udowodnić, że intensywność i rozprzestrzenianie się dyskursu tożsamości europejskiej w przestrzeni politycznej Ukrainy jest bardziej zależne od bodźców zewnętrznych z UE niż z wewnętrznych impulsów podanych przez ukraińskie społeczeństwa krajowej elicie politycznej. Okres 2014–2017 był najbardziej istotny dla wzmocnienia systemu wspólnych wartości europejskich na Ukrainie, które doprowadziły do powstania wspólnego zrozumienia w europejskich krajach, zadań i funkcji bezpieczeństwa. Dyskurs tożsamości europejskiej, która jest charakterystyczna dla elit politycznych Ukrainy, skupiła się na tworzeniu wysokiego poziomu dynamicznej interakcji pomiędzy Ukrainą a Unią Europejską i ma charakter systemowy; odzwierciedla szanse i tendencje instytucjonalnej odnowy władzy politycznej. Jednak w tym okresie ukraińska elita zredukowała swoje wysiłki ukierunkowane na ponadnarodowe zbliżenie norm i wartości obywateli Ukrainy i UE obywateli państw członkowskich, co znalazło odzwierciedlenie w europejskiej tożsamości Ukraińców. Proponowana procedura współpracy strategicznej UE nie jest odpowiednio realizowana w krajowych procesach politycznych i systemach kontroli państwowej Ukrainy, co wpływa na zwiększenie odległości pomiędzy świadomym I (UE) i Innych (Ukraina) podczas „planowania Innych".

Słowa kluczowe: Europejska tożsamość, dyskurs tożsamościowy, Ukraina, Unia Europejska, bezpieczeństwo

The security dimension of the discourse of the European's identity of Ukraine

Abstract: The author analyzes the formation and structure of the discourse of the European identity of Ukraine in the security dimension. The use of the methodological principles of constructivism and critical security studies allowed us to justify that the intensity and spread of the discourse of the European identity in the political space of Ukraine is more dependent on external stimuli from the EU than on internal impulses given to the Ukrainian society by the national political elite. The period between 2014–2017 was the most significant for strengthening of the system of generally accepted European values in Ukraine, which led to the formation of a common understanding of the essence, tasks and functions of security among European countries. The discourse of the European identity, characteristic of the political elite of Ukraine, was focused on the formation of a high level of the dynamic density of interaction between Ukraine and the European Union and had a systemic character; it reflected the chances and tendencies of institutional renewal of political power. However, during this period

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 16/11/2026 08:26:19

the Ukrainian elite reduced its efforts focused on transnational convergence of norms and values of Ukrainian citizens and citizens of EU member states, which found its reflection in the European identities of Ukrainians. The EU's strategic cooperation procedures are not fully implemented in Ukraine's internal political processes and the system of government which affects the deliberate increase in the distance between the I (EU) and the Other (Ukraine) during the "planning of the Other".
Keywords: the European identity, identity discourse, Ukraine, the European Union, security

Источники и литература

Документы и правовые акты

European Commission, https://ec.europa.eu, *Report by Mr Leo Tindemans, Prime Minister of Belgium, to the European Council [Bulletin of the European Communities. – Supplement 1/76]*, доступ: 14.11.2017.

European Commission, https://ec.europa.eu, *White Paper on the Future of Europe. Reflections and scenarios for the EU27 by 2025*, доступ: 14.11.2017.

European Parliament, http://ukraine-eu.mfa.gov.ua, *European Parliament resolution on the situation in Ukraine of 27 February 2014*, доступ: 8.06.2017.

European Parliament, http://www.europarl.europa.eu, *European Parliament resolution on the results of the Ukraine elections, Strasbourg, 13 January, 2005*, доступ: 8.06.2017.

European Parliament, http://www.europarl.europa.eu, *The state of implementation of the associations and free trade agreements with Ukraine, Georgia and Moldova with a particular focus on Ukraine and systemic analysis of key sectors (November 2017-PE 603836)*, доступ: 18.10.2017.

The University of Luxembourg's, http://www.cvce.eu, *Declaration on European Identity (Copenhagen, 14 December 1973)*, доступ: 18.10.2017.

Верховна Рада України, http://zakon2.rada.gov.ua, *Угода про Асоціацію між Україною, з однієї сторони, та Європейським Союзом, Європейським співтовариством з атомної енергії і їхніми державами-членами, з іншої сторони*, доступ: 8.06.2017.

Верховна Рада України, http://zakon3.rada.gov.ua, Розпорядження Кабінету Міністрів України *Про імплементацію Угоди про асоціацію між Україною, з однієї сторони, та Європейським Союзом, Європейським Співтовариством з атомної енергії і їхніми державами-членами, з іншої сторони* від 17 вересня 2014 року № 847-р, доступ: 12.06.2017.

Кабінет Міністрів України, http://www.kmu.gov.ua, *Звіт про виконання Угоди про асоціацію між Україною та Європейським Союзом в 2016 році*, доступ: 4.05.2017.

Монографии и статьи

Jepperson R., Wendt A., Katzenstein P., *Norms, identity, and culture in national security*, [in:] *The Culture of National Security*, Ed. P. Katzenstein, New York, 1996, p. 33–75.

Ladrech R., *Europeanization of Domestic Politics and Institutions: The Case of France,* "Journal of Common Market Studies", 1994, Vol. 32, № 1, vol. 32, p. 69–88.

McSweeney B., *Review: Identity and Security: Buzan and the Copenhagen School*, "Review of International Studies", 1996, Vol. 22, № 1, p. 81–93.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 16/11/2026 08:26:19

Walker R. B. J., *The Doubled Outsides of the Modern International*, "Ephemera", 2006, Vol. 6 (1), p. 56–69.

Wendt A., *Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics*, "International Organization", 1992, Vol. 46, № 2 (Spring), p. 391–425.

Wendt A., *Collective Identity Formation and the International State*, "American Political Science Review", 1994, Vol. 88, № 2 (June), p. 384–396.

Wendt A., *Constructing International Politics*, "International Security", 1995, Vol. 20, № 1 (Summer), p. 71–81.

Wendt A., *Social theory of international politics* (*Cambridge Studies in International Relations*: 67), Cambridge 2003, p. 450.

Ротар Н. Ю., *Структура й динаміка європейської ідентичності в політичному просторі Європейського Союзу* "Науковий вісник Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки. Серія Міжнародні відносини", 2017, № 6 (355), с. 46–53.

Що думають європейці про Україну, Київ – 2015. – с. 35.

Интернет источники

Commission européenne, http://europa.eu, *Discours du Président Juncker à la conférence des ambassadeurs de l'UE Bruxelles, le 29 août 2017*, доступ 18 X 2017.Фонд «Демократичні ініціативи імені Ілька Кучеріва», http://dif.org.ua, *М. Золкіна, Українське суспільство: чи відчуваємо ми себе європейцями?*, доступ: 2.03.2017.

24 канал, *https://24tv.ua*, *Порошенко про безвіз: "Україна прощається з радянською та російською імперіями*, доступ: 17.05.2017.

Бренд «Україна», https://brandukraine.org, *Дослідження*, доступ: 8.05.2017.

Громадський простір, https://www.prostir.ua, *Образ України за кордоном як "стрічка Мебіуса" [27.04.2016]*, доступ: 16.09.2016.

Заклик до ЄС – час вступати в ГРУ. Очікування України від Європейського Союзу, Київ, 2014, с. 12. (32 с.)

Інститут світової політики, https://www.eurointegration.com.ua, *Десять страхів європейців. Чому Євросоюзу не варто відтерміновувати безвізовий режим із Україною. В експертному опитуванні взяли участь: Кармен Клаудін (Іспанія), Стівен Блоксман (Бельгія), Річард Янгс (Бельгія), Ольга Бурлюк (Бельгія), Георгі Готев (Бельгія), Петр Колар (Чехія), Мартін Малек (Австрія), Міхаель Фройнд (Австрія), Сьюзен Стюарт (Німеччина), Штеффен Добберт (Німеччина), Андрей Матісак (Словаччина), Марко ді Ліддо (Італія), Стефанія Скіпані (Італія), Йос Бунстра (Нідерланди)*, доступ: 8.06.2017.

Інститут світової політики, http://iwp.org.ua, *Що думають українці про євроінтеграцію? (29 червня 2017)*, доступ: 2.10.2017.

Інститут світової політики, https://www.dropbox.com, *"Що думають українці про Україну?*, доступ: 8.06.2017.

Фонд «Демократичні ініціативи імені Ілька Кучеріва», http://dif.org.ua, *М. Золкіна, Українське суспільство: чи відчуваємо ми себе європейцями?*, доступ: 2.03.2017.

Фонд «Демократичні ініціативи імені Ілька Кучеріва», http://dif.org.ua, *М. Золкіна, Європейська інтеграція як потенціал для консолідації українського суспільства*, доступ: 24.02.2017.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 16/11/2026 08:26:19

Фонд «Демократичні ініціативи імені Ілька Кучеріва», http://dif.org.ua, *Як українці розуміють євроінтеграцію: очікування та настрої суспільства (25 лютого 2016)*, доступ: 4.09.2016.

Фонд «Демократичні ініціативи імені Ілька Кучеріва», http://dif.org.ua, *Золкіна М. Ставлення населення України до європейської та євроатлантичної інтеграції України*, доступ: 16.11.2016.

Фонд Демократичні ініціативи імені Ілька Кучеріва, http://dif.org.ua, *Ukrainians opt for EU Membership, in Particular the Youth*, доступ: 4.10.2017.

Центр Разумкова, http://razumkov.org.ua, *Зовнішньополітичні орієнтації громадян України. Результати соціологічного дослідження*, доступ: 21.02.2017.